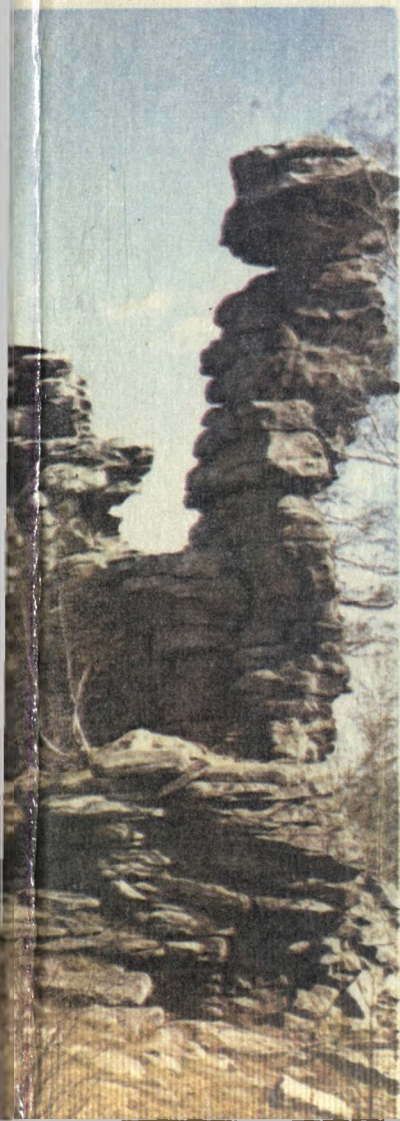

к 26
М 18 - КХ

А. А. Малахов

Каменные грёзы

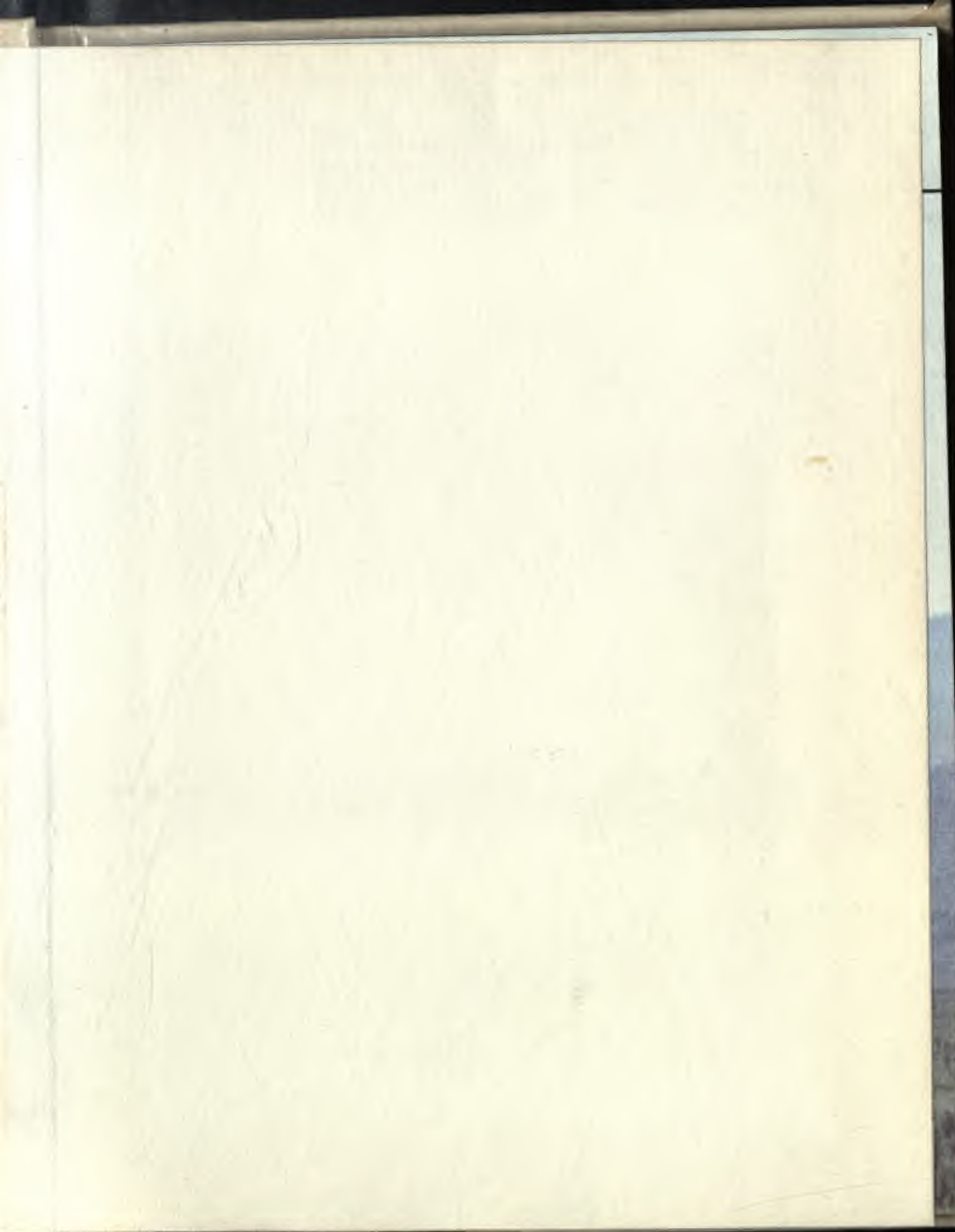

6399

к 26-3 Малахов А. А.
М 18 Каменные грезы. -
Свердловск, 1980.

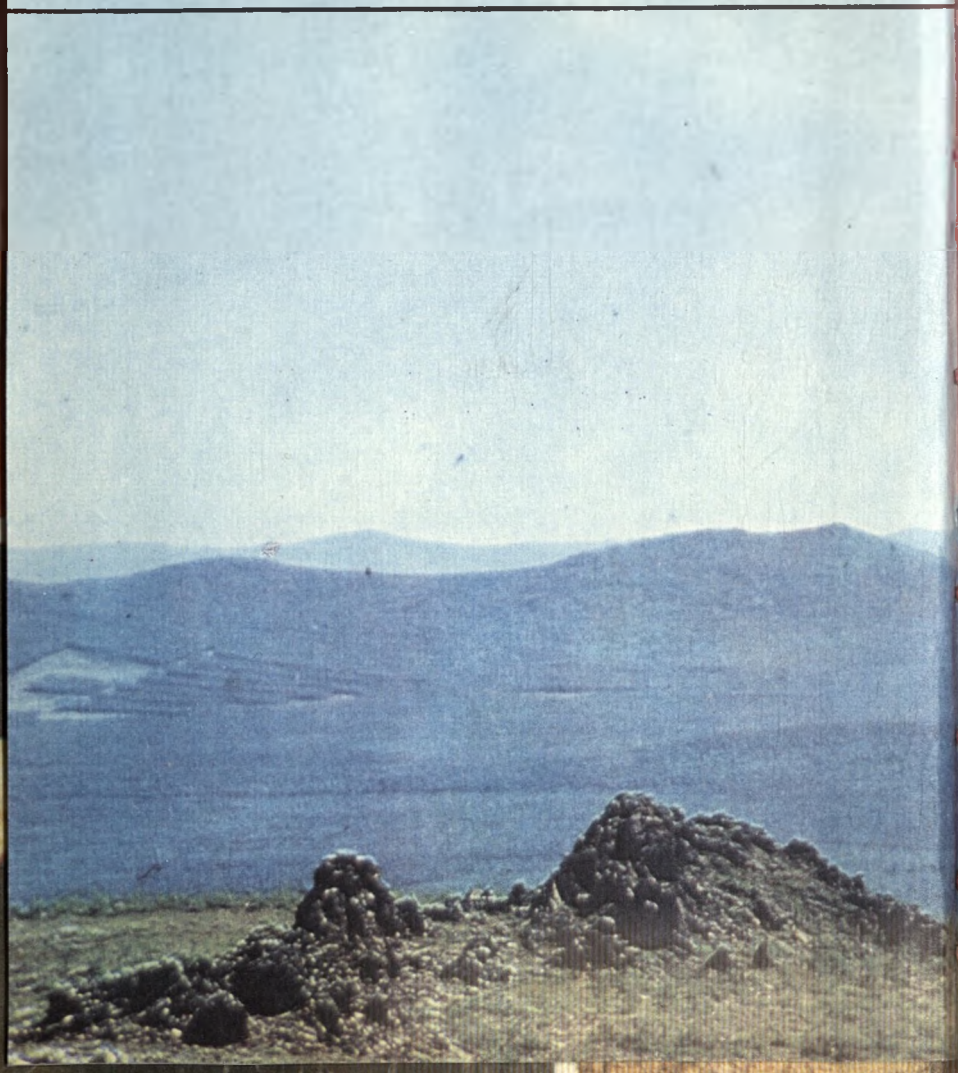
ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

Тип. г. Верхней Пышмы. Заказ 7069, Тир. 500 000

Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство
1980

А. А. Малахов

03

Каменные грёзы

к 26-кх
м 18

Красноуральская ЦБС
Свердловской обл.

6399

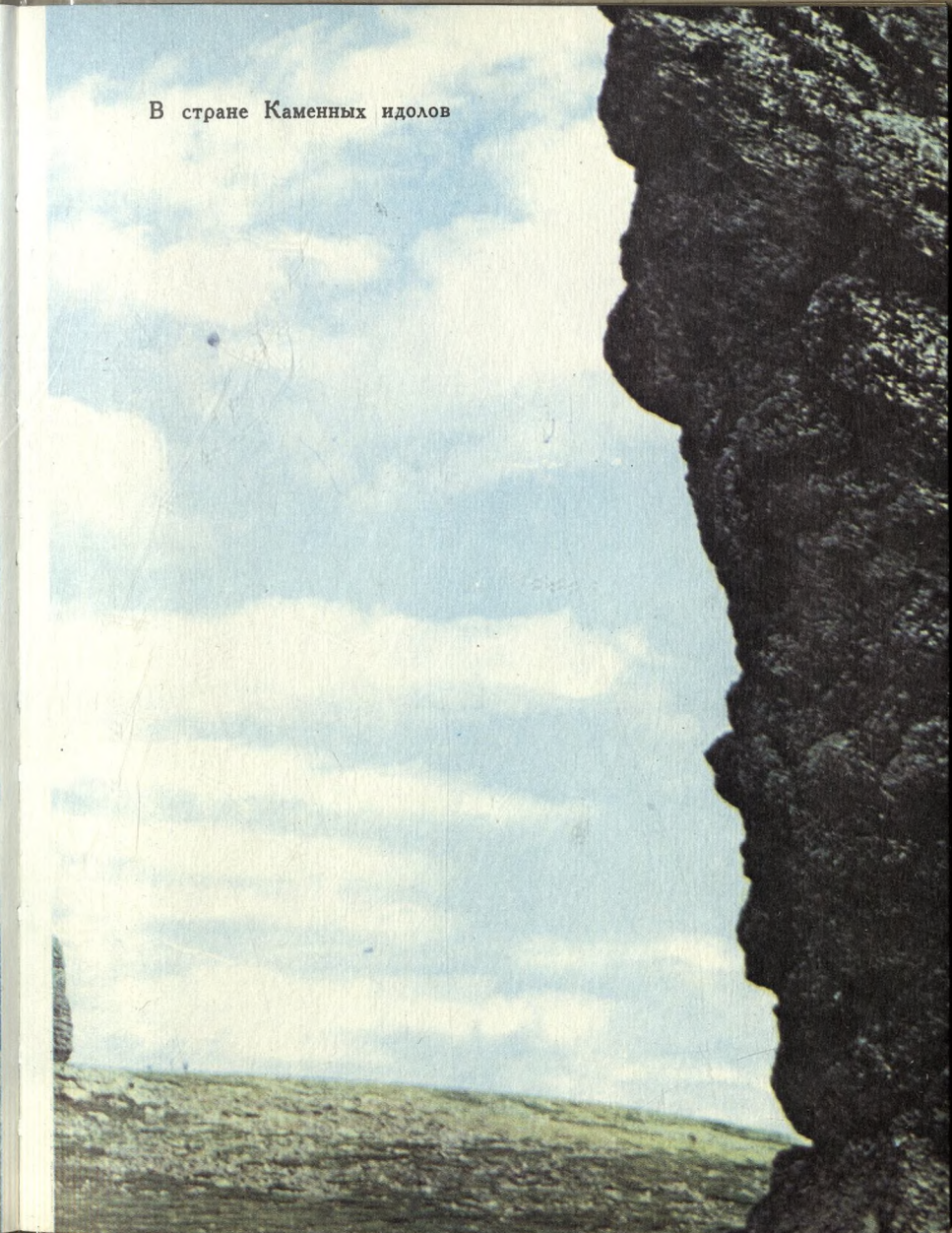

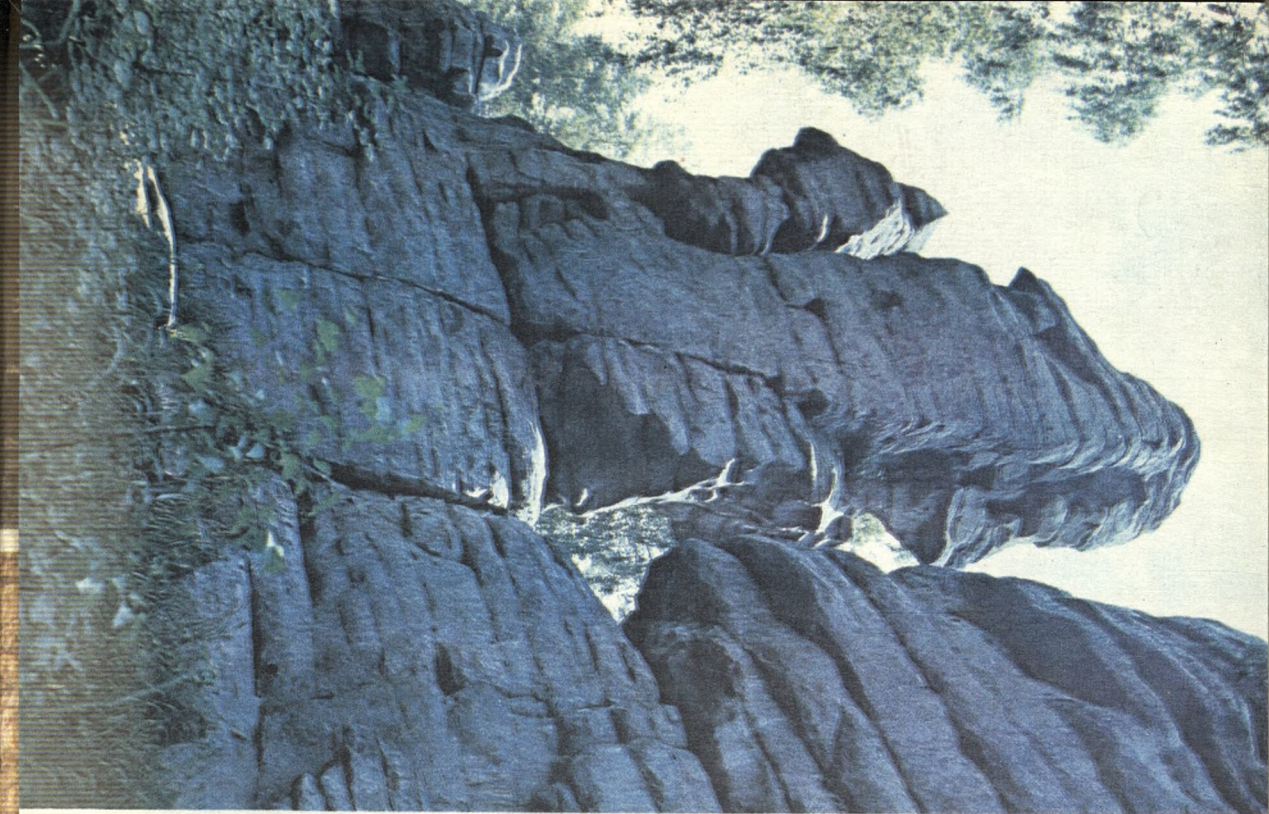
55
M18

M 20904
M158(0) - 80

© Средне-Уральское книжное
издательство, 1980

В стране Каменных идолов

Легендами овеяны останцы Петра Гронского

Чертово Городище

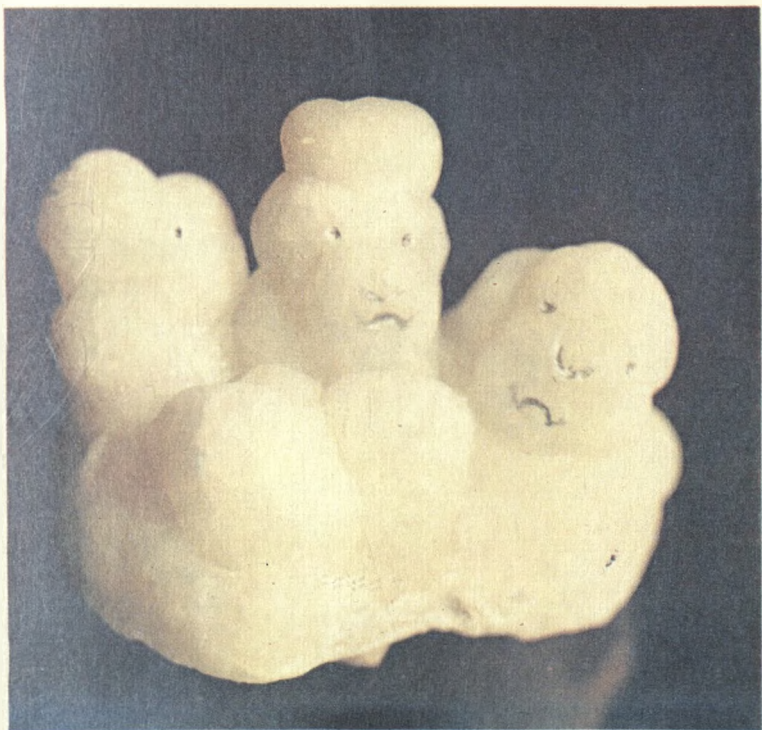

Увеличенные кристаллы антимонита похожи
на сказочный горный пейзаж

Пирит — железный колчедан поисковики
иногда путают с золотом

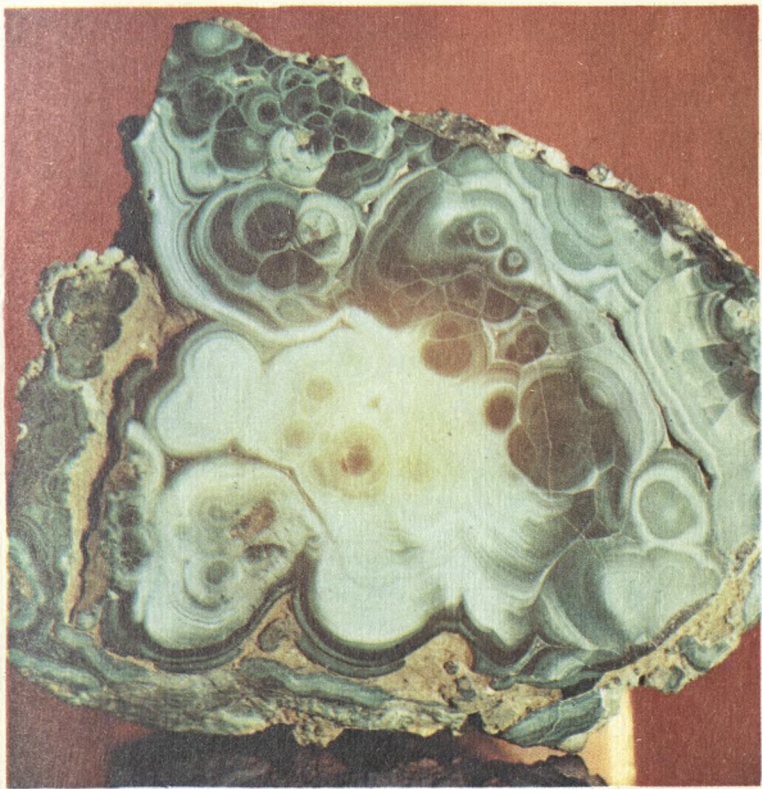

Кусок колчедана, напоминающий игрушечного
мишку

А эти сростки арагонита похожи на окаменевших
пуделей

Столешница из малахита

Мимо глыбы малахита трудно пройти
равнодушным

«Только для красавиц» продавали в старину
гарнитуры из малахита и агата

Лучшие украшения хранились обычно в таких
шкатулках из малахита

Вот они — украшения из малахитовой
шкатулки: гарнитур из яшмы

Такое не пригрезится

Грезы — это мечты, фантастические представления о желаемом, идеальные образы.

Грезить — воображать желаемое, видеть самое прекрасное в своих снах, вспоминать ушедшие мгновения юности.

Возникают грезы в полузабытии на морском пляже или в весенний вечер в сосновом лесу. Поводом к ним могут быть и ритмичные всплески волн, и свадебная раскраска певчих птиц, и нежные лепестки только что распустившейся розы, а могут быть и самые обыденные вещи, предметы, пейзажи.

У многих людей мир фантастических представлений рождается при взгляде на драгоценные камни, таинственные, неодоушевленные, но насыщенные чем-то неповторимо прекрасным.

Пунцовые отсветы кроваво-красного граната — пиропа, например, способны иногда бросить в жар, возбудить безудержную страсть, даже выявить мужество, силу, храбрость...

Иные эмоции вызывает аквамарин, камень цвета морской волны. В отблесках и искрах нежно-голубого камня угадываешь и утреннюю дымку весенних красок пробуждающейся природы, и дрожащую слезу первого радостного чувства любви.

Мир каменных грез многолик и разнообразен. Как в северных сполохах каждую секунду рождаются новые краски, так и в каменных ритмах нет однозначности. Каждый по-своему воспринимает тот новый мир ощущений, который дарит ему созерцание внутренней красоты минерала.

Один из лучших знатоков неживой природы — академик А. Е. Ферсман в своей книге по истории камня писал: «Я хочу, чтобы из этой книги писатель и поэт черпали новые образы, чтобы перед ними предстал мир сказки и фантазии, мир, раскрываемый лапидариями всех веков и всех народов; чтобы в сочетании фантастических образов, рожденных камнем, они нашли новые формы творческого восприятия окружающей природы».

В таинственный мир каменных грез, почерпнутых из старинных сказаний, уводит нас повесть А. И. Куприна «Суламифь». «Это кольцо со смарагдом ты носи постоянно, возлюбленная, потому что смарагд — любимый камень Соломона, царя израильского. Он зелен, чист, весел и нежен, как трава весенняя, и когда смотришь на него долго, светлеет сердце; если поглядеть на него с утра, то весь день будет для тебя легким. У тебя над ночным ложем я повешу смарагд, прекрасная моя, — пусть он отгоняет от тебя дурные сны, утишает биение сердца и отводит черные мысли. Кто носит смарагд, к тому не приближаются змеи и скорпионы». Эти слова Соломона впитали в себя весь комплекс мистики халдеев, арабов, евреев. С каждым камнем связывали они фантастические вымыслы о якобы невоскресших способностях минералов излечивать любые болезни людей.

Но есть и другие камни. В Москве на 27 этаже университета в витрине минералогического музея лежит чудокамень. Такое даже не пригрезится! Внутри прозрачного кристалла горного хрусталя отчетливо вырисовывается объемный пейзаж. На дальнем плане выступают горы. Они поросли ельником. Такие горы действительно существуют на Полярном Урале, там, где родился раритет. Природа как бы сфотографировала сама себя.

А на ближнем плане этого объемного рисунка видима курная охотничья избушка. От нее тянется дорожка. Она уходит куда-то вдаль...

Если чуть прищуриться, начинает казаться, что из

избушки потянулся легкий дымок — кто-то затопил печь, чтобы спастись от обильного гнуса: комаров, мошки, слепней...

Но посмотрите на необычный каменный пейзаж глазами специалиста — и сразу пропадает очарование. Вместо созданной природой картины увидишь горный хрусталь, а внутри — травяно-зеленый минерал хлорит. И все. Никакой экзотики.

В Алмазном фонде СССР хранится полированная яшма, на которой природа изобразила космонавта в скафандре. Распластавшись в автономном полете, парит он над Землей в невесомости.

Любители каменной экзотики уверяют, что в полированных яшмах можно увидеть картины не только земных и далеких миров, но и образы живых существ, населяющих планеты удаленных галактик.

Фантасты есть и среди ученых. Но их грезы, мечты опираются на факты. Первым мне хочется назвать корифея отечественной геологии академика Александра Петровича Карпинского. В своих исследованиях он не был простым регистратором фактов. Творческий полет его мысли казался современникам научной фантастикой. Ему первому в мире удалось на основе непреложных научных фактов воссоздать черты географии прошлого. Сквозь дымку ушедших миллионолетий он восстановил черты древней географии Европейской России и Урала. Сказками прошлого звучали для современников его знаменитые трактаты, в которых он сообщал о том, как неоднократно проникло море на Русскую равнину. То, что многие считали безудержной фантазией, грезами великого ученого, в наши дни претворилось в месторождения нефти, угля, металлов. Все это на основе анализа географии прошлого было предсказано А. П. Карпинским.

Мечтатель, блестящий знаток камня академик Александр Евгеньевич Ферсман заглянул из современности не в прошлое, а в будущее. Судьба столкнула его с другим

мечтателем — Сергеем Мироновичем Кировым. Они сумели увидеть на месте болотистой тундры Кольского полуострова величественные контуры рудников, рабочих поселков, городов, научных центров. Основой для подобных прогнозов явились гигантские залежи фосфорного сырья — апатитов, необходимых для сельского хозяйства страны.

Эта книга для тех, кто умеет разглядеть в мертвом, холодном куске камня живые образы настоящего, прошлого, будущего. В ней собраны повести, новеллы, рассказы, главный герой которых — каменные грезы. Обращаются к этим мотивам и люди, не искушенные в геологии, и знатоки камня. Их объединяет поиск, устремление в непознанное, попытка осмыслить виденное...

Часть рассказов посвящена каменным коллекциям, хранящимся в музеях, в частных собраниях, в природных условиях. Каменные раритеты из этих собраний вызывают различные эмоции, нередко они переплетаются с миром сказаний, легенд, поэтических вымыслов и уводят нас в область прекрасного.

Музыка в камне

Мои движения автоматичны. Одной рукой включаю осветитель микроскопа. Другой — кладу шлиф на столик.

Микрометрическим винтом подправляю фокусировку. Вот сейчас подключу анализатор микроскопа — и начнется то, чему я посвятил многие бессонные ночи.

Иные устремляются в свободное от работы время на выставки произведений изобразительных искусств, в зрительные залы театров и клубов, в филармонию. А для меня высшее наслаждение наблюдать под микроскопом таинственный мир, который можно видеть в любом невзрачном камне. Стоит только вырезать из него тоненькую пластинку, положить ее на столик микроскопа — и тотчас словно сказочная палитра неведомого мастера вспыхивает перед глазами. Ни на одной художественной выставке не найдешь такого разнообразия красок. Их вызвал к жизни поляризованный свет. И каждый раз этот красочный мир против моей воли перебрасывает меня в иную сферу — сферу звуковой гармонии.

Максимилиан, герой повести Генриха Гейне «Флорентийские ночи», слушая игру великого Паганини, испытывал зрительные галлюцинации. Музыкант чудесным образом превращался в мага, чародея, повелевающего стихиями. Мир вокруг него преображался в сказочные многоцветные картины.

Гейне не выдумывал. У многих людей, когда они слушают музыку, возникают зрительные ассоциации. У меня наоборот: красочные картины вызывают ассоциации звуковые.

Многие ученые, инженеры и художники в разные годы пытались уловить связь между цветом и звуком. Некото-

рые создавали на специальных экранах движущийся хаос красок во время исполнения симфоний.

Инженер К. Леонтьев показал в начале шестидесятых годов скрябинскую поэму огня «Прометей». С первыми же аккордами на экране вспыхивали багровые и красные цвета, а затем, повинаясь ритму музыки, экран несколько успокаивался, зрители видели набегающие волны изумрудно-зеленого цвета...

Рассказывая о законах сочетания цвета и звука, положенных в основу исполнения «Венгерской рапсодии» Листа, Леонтьев подчеркивал, что в напряженные, мощные моменты экран должен багроветь. Тема воли делает цветовые ощущения ослепительными. С повышением динамики звука цвет становится более насыщенным, с понижением — блеклым, тусклым, невзрачным.

Много книг посвящено цветомузыке, но, пожалуй, только И. Ефремову в «Туманности Андромеды» удалось передать впечатление, вызванное синтезом звука и цвета.

«Третья часть симфонии началась мерной поступью басовых нот, в такт которым загорались и гасли уходившие в бездну бесконечности и времени синие фонари. Прилив грозно ступающих басов усиливался, и ритм их учащался, переходя в отрывистую и зловещую мелодию. Синие огни казались цветами, гнушались на тоненьких стебельках. Печально никли они под наплывом низких гремящих и трубящих нот, угасая вдали. Но ряды огоньков или фонарей становились все чаще, их стебельки — толще. Вот две огненные полосы очертили идущую в безмерную черноту дорогу, и поплыли в необъятность вселенной золотистые звонкие голоса жизни, согревая прекрасным теплом угрюмое равнодушие двигающейся материи...»

Почему вспомнился именно этот отрывок? Дело в том, что вчера мне встретился шлиф, в котором были фрагменты этой симфонии.

Недавно я получил для определения породу с длинным и кажущимся хитрым названием — пренитизирован-

ный долеритовый порфирит. Этот кусок камня большинство людей назвало бы просто булыжником.

Ну а в тончайшем прозрачном срезе — в шлифе — под микроскопом раскрылась симфония камня.

Как следы элементарных частиц, как треки на желатине, разбежались в шлифе индигово-синие пятнышки на густо-синих стрелах пренита. И невольно послышались басовые тона, загудели невидимые музыкальные инструменты. Рокот контрабасов покрывал все звуки... Он становился нестерпимым... Казалось, какая-то грозная непостижимая сила растекалась вокруг и заливала все видимое пространство... Не было сил перевести дыхание.

А в углу притаилась какая-то серая тень. Уловить контуры ее невозможно. За ней угадываются сочетания красочных, пока еще трудно различимых глазом цветов и пятен. Их связывают с общей мелодией чуть слышные звуки флейты... Да, да. Они слышны только при остановленном дыхании...

Легкий поворот столика микроскопа — и все изменилось. Пробежала по синим лучам лавандово-серая тень, преобразилась пейзаж. Яркий свет желтых вееров ударил в глаза. Усилились и зазвенели флейты. Лишь кое-где им вторила виолончель на бархатных басовых нотах. Это остатки индигово-синих цветов и оттенков местами врывались в панораму, напоминая о только что перенесенном потрясении...

Можно часами сидеть перед микроскопом и незначительным поворотом столика «вызывать» грозные синие волны цвета и звука. Краски, порой бьющие в глаза, порой нежные, светлые, создают восхитительный танец огненных и синих стрел.

Нет. Довольно. Надо взять что-то иное для перемены впечатлений. Но что? Быть может, вот этот шлиф цирконовой породы? Разбитый причудливыми трещинами, сложным узором линий, он чем-то напоминает витражи в древних храмах. Они запомнились мне при осмотре готи-

ческих церквей в Брюсселе. Стрельчатые окна храмов там заполнены таким же непонятным рисунком.

Каждое пятно этого шлифа «написано» в своей цветовой тональности. Здесь можно видеть сиренево-фиолетовые, нежные темно-розовые, густо-голубые пятна, исчерченные неповторимой в каждом куске ретушью, создающей сказочно странный пейзаж.

Ну и, конечно, каждому цвету, каждому сочетанию красок соответствуют свои аккорды.

Чем больше всматриваешься в пятна этой цветовой мозаики, тем сильнее всплывают мощные движения фугированных отрывков музыкальных звучаний. Словно сам Иоганн Себастьян Бах на неведомом органе природы создавал эти повторяющиеся в разных голосах, бегущие друг за другом мелодии.

А вот вспыхивает в объективе микроскопа новый шлиф. Из глубин памяти выступают полузабытые слова. Вспоминаю, что об этом я где-то читал.

Ну конечно, это Стендаль. Его «Письма о прославленном композиторе Гайдне». Это же рассказ об оратории «Сотворение мира». Косые срезы кристаллов циркона напомнили мне и витражи, и бессмертное произведение Гайдна.

«Сотворение мира» начинается увертюрой, изображающей хаос,— писал Стендаль.— Слух ваш поражен каким-то глухим и неясным шумом — звуками, лишенными всякой мелодичности и словно нечленораздельными; вы различаете затем отдельные отрывки, построенные на приятных мотивах, но они еще недостаточно отделаны, и им по-прежнему не хватает каденции; вслед за этим возникают образы с еле очерченными контурами — одни из них суровы, другие нежны; все переплетаются, отрадное и резкое на слух следует друг за другом по воле случайности; великое граничит с ничтожным, мрачное сливается с веселым. Самое необычное сочетание различных музыкальных форм — трелей, *volante*, *mordente*, синкоп и дис-

сонансов — прекрасно передает, по общему мнению, картину хаоса».

И все это само собой вызвано к жизни сочетанием красок. Розовый цвет соседствует с лиловым и синим. А зеленое и ярко-оранжевое граничит с черной бездонной пустотой...

Конечно, было бы наивно думать, что все геологи, занимаясь изучением шлифов в поляризованном свете, только и думают о том, как сочетать цвет и звук. Нет. Перед геологами стоят более прозаические задачи — определение пород и минералов под микроскопом.

Представим себе существо, обладающее способностью видеть поляризованный свет. Попробуем, обладая таким зрением, посмотреть на Урал на широте Свердловска.

На окраине города, близ шарташского озера, высятся гранитные каменные палатки. Из такого же гранита, взятого в шарташских каменоломнях, изготовлена облицовка некоторых зданий города — горсовета, политехнического института и других. Несмотря на монументальность зданий, серый гранит придает их облику какую-то сумеречность.

Существо же с особым, поляризационным, зрением не заметило бы этого. Взору его открылась бы дивная, даже сказочная картина. Каждое зерно шарташской каменной громады расцветилось бы яркими, сочными красками. Запели бы своими красочными голосами и всеми нюансами даже сверхмикроскопические кусочки, слагающие гранит. Светло-желтые пятна ортоклаза чередовались бы с прозрачными зернами кварца. И над всем этим властвовали бы зеленые и коричневые розетки, голосы и пятна слюды, сочные зеленые тона вкраплений роговой обманки.

Если перевести все увиденное в гранитах на язык красочных ощущений, то светло-желтые и особенно разнообразные зеленые тона создадут настроение радости,

покоя, надежд... В тон этим впечатлениям зазвучат музыкальные всплески ласкающих слух, набегающих издали мелодичных, многократно повторяющихся аккордов.

Кто же видит и воспринимает все это? Ведь внешне камни выглядят невзрачно и буднично. Почему же от нашего взора скрыт этот праздник цвета и музыки?

А микрополяризационный пейзаж к западу от Свердловска по разрезу горы Волчихи я сравнил бы с буйным вихрем Дантова ада, выраженным музыкальными фразами из «Франческо да Римини» Чайковского.

В предисловии к рукописной партитуре этой симфонической поэмы П. И. Чайковский писал: «Данте, сопутствуемый тенью Вергилия, опускается во вторую область адской бездны. Воздух здесь оглашен стенаниями, воплями и криками отчаяния. Среди могильного мрака рвется и мечется буря. Адский вихрь неистово мчится, унося в своем диком кружении души людей, разум коих помрачила в жизни любовная страсть... И над всем этим властвует голос судьбы: «Оставь надежду всяк сюда входящий».

Суровые скалы горы Волчихи внешне не вызывают ярких эмоций. Но в шлифах отчетливо видны сочетания самых разнообразных красок. И опять — для чего все это?

Можно дать бесконечную цепь подобных описаний горных пород любой части света. И каждый раз, перебирая их в сознании, я вновь и вновь задаю все тот же вопрос: а видит ли кто эту «неземную» красоту нашей Земли?

Быть может, какие-либо иноземные существа — планетолетчики, обладающие этим сверхзрением, попав на нашу планету, увидели бы красочные пейзажи горных пород Земли?

Вряд ли возможны прямые сопоставления звука и цвета: звука, якобы застывшего в камне. Это все-таки очень субъективная ассоциация.

Принимать все эти гаммы без объяснения, как выражение антицелесообразности, бессмысленности, только лишь слепой случайности, тоже нерезонно.

Невольно возникает мысль, что явления цветовой гармонии относятся к области еще не вскрытых наукой законов и тайн природы. Конечно, при этом напрашиваются самые невероятные объяснения. Не служат ли все эти яркие краски своеобразными ориентирами тем, кто (или что) может беспрепятственно проникать через горные породы?

Всю Землю пронизывают сейсмические волны. Не им ли нужны ориентиры? Вряд ли. Для них важнее плотность пород.

Идут сквозь Землю нейтрино. О поведении этой элементарной частички мы вообще мало что знаем. И что для нее горные породы, если через всю толщу Земли она проходит как через пустоту. Не связана ли раскраска пород с прохождением через нашу планету электромагнитных волн?

Мне не раз приходилось видеть в полярных зонах красочную музыку северных сполохов. Слова почти бессильны для передачи тех впечатлений, которые возникают, когда видишь полярные сияния.

Вот что пишет об этом знаменитый исследователь Севера Фритьоф Хансен: «Нет ничего изумительнее, ничего прекраснее полярной ночи! Сказочная картина, разрисованная красками нежнейших оттенков, какие только может придумать воображение. Это как бы расцвеченный эфир, от легкого колебания один пейзаж переходит в другой, и не знаешь, где, собственно, начинается один тон и кончается другой, и, однако, все они существуют, все многообразие налицо. Твердых очертаний нет, все меркнет, переливается тихой, дремлющей музыкой красок, далекой бесконечной мелодией невидимых струн.

...Чувствуется опытный мастер, в совершенстве владеющий своим инструментом. То он как будто лишь шутя трогает струны, то одним ударом смычка легко и изящно переходит от наивысшего проявления страсти к тихой, будничной лирике, чтобы вслед за тем несколькими смелыми взмахами снова подняться до пафоса...»

Но ведь эта картина до деталей напоминает симфонию камня!

Несомненно, связать многоцветную игру полярных сияний со столь же яркой игрой каменных громад можно пока только в плане научной фантастики.

Не пифагорова ли музыка сфер, не звуки ли Космоса, передаваемые электромагнитными колебаниями, отразились и застыли в мертвых камнях?

В мертвых ли?

Камни живут. Они живут сложной, многообразной и многоликой жизнью. Наш век — это эпоха открытий. Кто знает, может быть, именно изучение законов электромагнитной жизни Галактики и Солнца позволит глубже познать законы происхождения горных пород?

Конечно, видимая целесообразность живой природы — это только выражение приспособленности организма к условиям среды, следы тончайшего естественного отбора. Отсюда чудесная красота осенних лесов, жаркие краски южного лета, великолепная свадебная одежда павлина. Нет ли в жизни камня подобных законов? Быть может, красочная музыка шлифов станет ориентиром для нового Дарвина?

А может быть, есть в природе животные, способные воспринимать эту чудесную гамму красок? Нет ли среди жителей нашей планеты существ, обладающих способностью видеть поляризованный, люминесцентный, инфракрасный свет? Не для них ли природа расцветила мир?

Впрочем, как бы там ни было, а геологи уже научились по-своему читать эту музыку камня.

И все же волны таинственных огней повсюду преследуют поклонников камня. Необычное свечение минералов вызывают и катодный, и ультрафиолетовый, и рентгеновский лучи. В мире «мертвого» камня загораются и светят наиболее ярко те минералы, которые, попав в зону ультрафиолетового света, рассказывают о мельчайших примесях урана или марганца, включенных в состав

породы. Станным, «неземным», цветом вспыхивают и многие другие минералы, не содержащие никаких примесей.

Целый день я провел в лаборатории, где наблюдал люминесцентное свечение минералов. Обычный бесцветный кальцит расцветчивался чудесным образом под влиянием различных источников света. Катодные лучи делали кристалл рубиново-красным, в ультрафиолете он загорался малиново-красными тонами. Два минерала — флюорит и циркон — не различались в рентгеновских лучах. Оба были зелеными. Но стоило подключить катодный свет, как флюорит становился фиолетовым, а циркон лимонно-желтым.

В глазах рябило. Надо было как-то отвлечься. Дома меня ожидала интересная книга сказок разных народностей. В ней-то я и нашел любопытное сказание индейцев Северной Америки о сотворении мира могущественным духом Вискай. Мир этот вначале был совершенно прозрачным, и великий дух Виска любовался разноцветными камнями, видимыми на дне первичного океана.

Но однажды Виска заметил кражу. Его враг — великий завистник Бобр — нырнул на дно океана и забирал себе самые красивые камни. Рассердился великий дух. Он призвал к себе своего верного помощника Серую Мышь, приказал ей опуститься на дно и принести оттуда немного ила. Мышь выполнила просьбу повелителя. Из этого ила сделал Виска острова в океане. Разрослись они, скрыли под собой большую часть поверхности Земли, замутили воду океана, и исчезли с глаз завистника красивые камни. С тех пор Бобр уже не мог таскать их в свою нору.

А что если бы на самом деле мы, как бог Виска, могли посмотреть на мир всепроникающим взглядом? Что было бы, если бы Землю окутывала темная атмосфера, не пропускающая лучи видимой части спектра? О таком фантастическом предположении говорит профессор М. А. Кон-

стантинова-Шлезингер во введении к монографии «Люминесцентный анализ».

«Дадим на мгновение волю фантазии,— пишет она,— и представим себе, что к атмосфере, окружающей Землю, примешан «черный газ», пропускающий только ультрафиолетовые лучи.

Нашему глазу при этом открылась бы удивительная картина. В вечном мраке мы видели бы у людей только ослепительно белые зубы и сине-голубые ногти. Черная земля оказалась бы содержащей яркие включения минералов — красного кальцита, желтого ортоклаза... Разлитая по земле нефть напоминала бы лужу грязного молока, а содержащиеся в ней минеральные масла были бы густосиними и голубыми».

Этими свойствами люминесцентного свечения пользуются декораторы для усиления эффектов восприятия цвета.

В турецких сказках часто упоминается мифический камень — сабур. Он желтый. Сабур-камень впитывает в себя все человеческое горе. А когда переполнится горем — трескается. Желтый цвет в Сирии символизирует смерть. В Индии же с этим цветом связаны солнечные радости жизни.

У бразильцев выражение «все голубое» означает «только хорошее». Голубой цвет популярен в Голландии, Египте, Франции. Индейцы связывают с голубым цветом все правдивое, а с красным — жизнь, веселье, энтузиазм.

Разумеется, не все здесь верно, но какая-то зависимость между цветом, настроением и, я бы сказал, характером, несомненно, существует.

На одной из популярных лекций я слышал, как лектор — известный физик — для иллюстрации стопроцентной глупости сказал: «Это все равно что спрашивать, какой цвет имеет характер».

Как известно, характер — совокупность определенных психических свойств человека — вырабатывается под воз-

действием окружающей его среды. Поступки и действия человека определяются условиями его жизненного пути. Но какими? Психологам известен классический случай «выработки» массового количества драчунов и забияк на фабрике братьев Люмьер во Франции, где фотографические пластинки изготавливались при красном свете. Изменили процесс. Изъяли красный свет. И люмьеровцы из забияк превратились в спокойных, уравновешенных людей.

О субъективности восприятия цвета камней говорит лучший знаток камня А. Е. Ферсман. Он называет самоцветы, связывая с ними определенную зависимость (правда, условную) между психологическим и физиологическим влиянием цвета и субъективным его восприятием.

Желтый цвет (например, цвет берилла) — возбуждающий, оживляющий, теплый, бодрый, веселый, светливый, кокетливый, несколько дерзкий. Это цвет веселья и шутки, символ солнечного света, тепла, счастья.

Оранжевый (цвет янтаря) — возбуждающий, жаркий, бодрый, веселый, пламенный, жизнерадостный, шумный, кричащий, неинтимный.

Красный (рубин, сердолик) — возбуждающий, горячий, самый активный и энергичный, экспансивный, мужественный, страстный, кричащий; цвет доблести, силы, мощи, храбрости; огонь, пламя, жар.

Зеленый (изумруд, нефрит) — спокойный, умеренный и освежающий, создает впечатление мягкого, приятного и благотворного покоя. Символ весны, плодородия, юности, свежести, жизни, радости, надежды, воспоминания...

Конечно, сочетанием звука и цвета не ограничиваются эмоции, вызываемые горными породами и минералами.

В лучших собраниях минералов, сосредоточенных в музеях, мы черпаем материалы, уводящие нас в мир научных исследований, а также гипотез, легенд и любопытных сказаний. О них наш дальнейший рассказ.

В мире нетленной красоты

Еще пока не составлен реестр «семи чудес» уральского края. Несомненно лишь одно: когда будут перечислять главные диковинки Урала, то одно из первых мест среди них займет геологический музей в Свердловске.

Писатель Павел Петрович Бажов, создавший неповторимый цикл сказов о Медной горы Хозяйке, частенько бывал в этом музее. Не исключено, что именно здесь, в красоте уральского камня, он черпал сюжеты для своих сказов о тайнах малахитовых рисунков.

Однажды (было это 18 февраля 1945 года) П. П. Бажов привел в музей группу своих коллег — уральских писателей. Что он им рассказывал о сокровищах уральских недр — история не сохранила. Но в книге почетных посетителей осталась запись об этом посещении. Вот она: «Даже нам, давно живущим на Урале, надо бывать в этом музее Уральских гор как можно чаще, и каждый раз он поразит вас новой гранью».

Безусловно, будущие исследователи творчества уральского писателя наметят связи текста его сказов с оригинальными произведениями уральских горщиков. Вот, например, такая связь четко вырисовывается из части текста сказа «Хрупкая веточка» с одним из экспонатов музея. На малахитовой округлой подставке приклеена трехгранная пирамидка, на каждой грани которой можно видеть искусно выделанные уральские ягоды: малину, красную смородину, обрамленные зелеными веточками.

Глядя на это произведение камнерезного искусства, Бажов писал: «Мода, видишь, была из камней ягоды делать. Виноград там, смородину, малину и протча. И на

все установ имелся. Черну, скажем, смородину из агату делали, белую — из дурмашков, клубнику — из сургучной яшмы, ежевику — из мелких шерловых шариков клеили. Одним словом, всякой ягоде свой камень. Для корешков да листочков тоже свой порядок был: кое из малахита либо из орлеца и там еще из какого-нибудь камня».

А дальше началась безудержная фантазия: грезы, навеянные камнем. Герой сказа «Хрупкая веточка» молодой мастер-гранильщик Митюха обдумывал: «Из какого бы вовсе дешевого здешнего камня такую же поделку гнать?» И вдруг на стол мастеру чья-то рука положила именно те камни, которые требовались мастеру! Подсказ Хозяйки помог мастеру овладеть тайной изготовления каменных шедевров.

Сокровища уральских недр, сосредоточенные в музее, собирались не сразу. Основу коллекции (около 12 тысяч образцов) составили каменные раритеты, собранные династией любителей камня — отцом и сыном Калугиными. Представители этой династии держали в руках в старом Екатеринбурге торговлю коллекционными камнями. В их магазинах сосредоточивались не только отдельные образцы, но и изделия гранильной кустарной промышленности: жкатулки из малахита, родонита и яшмы, вставки в кольца, браслеты, диадемы, а также крупные малахитовые вазы, столешницы и многие другие изделия. Все это было сразу после Октябрьской революции скуплено первым ректором горного института профессором К. К. Матвеевым. Сюда же были добавлены некоторые национализированные изделия из камня.

Когда в 1936 году встал вопрос об организации выставки-музея для показа уральских сокровищ, открытие которой предполагалось приурочить к началу XVII Международного геологического конгресса в 1937 году, стало очевидным, что основа для музея имеется. В специально выстроенное для музея здание было доставлено еще около 13 тысяч лучших образцов со всего Урала. Это

были главным образом куски пород с различных месторождений полезных ископаемых. Железные и медные руды, нерудоминеральное сырье — все, что характеризовало горную промышленность Урала.

Должен сказать, что не все посетители музея умеют видеть выставленные камни. Однажды мне позвонили по телефону.

— Вот вы, — говорил незнакомец, — пишете в своих книжках о красоте уральского камня, о несметных богатствах, сосредоточенных в музее. По вашим данным, там что ни образец, то сказка. Зашел я в музей, в наш Уральский геологический, — продолжал незнакомец, — походил около витрин. Я не геолог. А там многие этикетки написаны не по-русски. Да и русское написание звучит тарабарщиной. Что я понимаю в таких словах: аммонит, белемнит, габбро, перидотиты... А вы говорите — красота! «Немеркнущие образы»! Сказка!

Не буду передавать всю речь неизвестного. Он так и не дал мне вставить в нее ни одного слова. Скажу лишь, что критика говорившего была в какой-то мере справедлива.

После Международного геологического конгресса, после экскурсии к нам геологов из пятидесяти стран мира музей передали в ведение Свердловского горного института. Преподаватели этого учебного заведения решили, что музей надо подчинить учебному процессу.

В то же время слово «музей» обязывало ко многому. Экспозиции его открыли для народа, но не позаботились об этикетках. Вот и получается: идет посетитель, далекий от геологии и особенно от палеонтологии. В витринах он видит классические коллекции какого-либо специалиста. А в них — латинские названия... Проходит посетитель мимо, ничего не понимая. До грех ли тут!

Лишь на втором этаже сосредоточились «оазисы» красивых уральских камней. Это один из самых впечатляющих уголков музея. Каждый видит без пояснений красоту

камня. Недаром здесь всегда можно встретить писателей, художников, артистов. Этой категории посетителей не нужно цифр и статистических данных. Их интересует экскурс в область легенд, преданий, сказов. Они просят раскрыть им не только внешнюю, но и внутреннюю красоту камня.

Особенно настойчиво расспрашивала меня французская писательница Мартина Моно — автор известной книги «Нормандия — Неман». Она приехала на Урал собирать материал для тысячного номера газеты французских коммунистов «Юманите». Мартина Моно требовала от меня ответа на вопрос об авторах этих легенд.

Вот здесь я встал в тупик. Кто знает этих авторов! Может быть, усталому путнику нашептывает легенды легкий ветерок. А скорее всего, он слышит эти легенды и видит неясные образы в журчании ручейка, дающего и влагу, и прохладу... Нет способа точно ответить на такой вопрос.

Много-много лет назад, гласит легенда, здесь, на Урале, началась обычная история любви двух сердец. На каждом отрезке их жизненного пути судьба ставила им преграды. В легенде подробно говорится и о лихих помощниках барина-заводчика, и о старосте — первом пособнике лютого богача... Однажды застал молодую пару сам барин. Приказал он своим помощникам схватить ослушников. Но воспротивилась земля. На глазах изумленных людей превратились в камень и парень и девушка. Глубоко в землю ушли двое любящих друг друга людей. Рассказывают, что река изредка вымывает кусочки камня, в которых можно видеть золотистые волосы красавицы девушки...

Мы подошли с Мартиной Моно к витрине лучшего в мире собрания камней, носящих название «Волосы Венеры».

На двух стендах расставлены здесь идеально прозрачные, голубовато-зеленые, золотисто-желтые, пепельно-серые разнообразной формы и размеров кристаллы, внутри которых спрятан странный, неповторимый узор свер-

кающих пучков нитей или игл различных очертаний, цветов и оттенков.

Можно часами смотреть на прозрачный уральский камень, внутри которого видны пучки тонких параллельных нитей. Когда камень был в «моде», из него изготавливали вставки в перстни, броши, заколки; особенно ценились печатки из волосатика.

Я много видел изделий из этого камня, но, пожалуй, лучше всего он выглядит чуть-чуть приполированным.

Обычно волосатик встречается на бечевниках, вблизи русел многих среднеуральских рек. Часто его находят в окрестностях Невьянска. Во время половодья, когда маленький ручеек становится грозным потоком, кристалл одевается в своеобразную «рубашку» — от столкновений с другими камнями становится непрозрачным, матовым, скрывая этим свой внутренний рисунок.

Есть у меня приполированный прозрачный горный хрусталь, у которого сохранилась первичная кремневая рубашка. Если слегка поворачивать полированный с поверхности камень, то кажется, что заглядываешь в его «душу». Как будто перед тобой лежит глыба прозрачного льда, пронизанного пучками расходящихся веером, сверкающих золотом огненных струй; снизу эта глыба подернулась пленкой легкой илистой мути, и кажется, что смотришь на морское дно.

А вот другой образец. Его называют моховиком. Это тоже волосатик, но пророс он не иглами окиси титана (рутила), как «Волосы Венеры», а моховидными, ветвистыми вростками минерала хлорита, зеленовато-серыми, даже синеватыми.

По одной из легенд, Медной горы Хозяйка дарила своим любимцам различные драгоценные камни.

Не так давно, добавляет легенда, одному из удачливых был подан из-под земли знак. Шел этот счастливец как-то по Свердловску, притомился. Присел около одного из домов на тумбу. Отдохнул. Взглянул на тумбу повни-

мательнее. И ахнул! Оказывается, тумба превратилась в большой кристалл горного хрусталя, пронизанного огненными нитями рутила.

Даже моя спутница из Франции не выдержала:

— Нельзя же так безбожно говорить неправду.

В ответ я подвел мою спутницу к большому кристаллу горного хрусталя, внутри которого действительно просматривались огненные нити.

— Вот она, эта тумба. Счастливчик доставил ее в музей.

Некоторое время спустя я рассказал эту легенду сотрудникам Свердловского телевидения. Прошло несколько дней, и они «овеществовали» легенду, передав ее средствами телевидения.

— Это просто,— говорили мои друзья,— должны слаженно работать две телекамеры. С одной — проецируется на экран танцующая пара (влюбленных, как положено по легенде); с другой телекамеры наплывом дается монолитная глыба хрусталя. Изображение камня как бы наплывает на застывшую в экстазе танцующую пару. И на экране создается тот мир каменных грез, который рожден легендой. Переданные крупным планом распущенные волосы красавицы эффектно выглядят внутри кристалла. А потом в передачу был вмонтирован настоящий кристалл «Волос Венеры».

Привлекают в музее экспозиции зеленого уникаума природы — малахита.

Трудно определить, какой из раритетов восхищает больше всего. Пожалуй, самыми красивыми являются вазы.

— Нет,— говорят другие,— нам понравились малахитовые столы.

— А нам — шкатулки...

— Не согласен,— заявил один из посетителей.— Впечатляют глыбы необработанного малахита...

Сколько людей, столько и мнений.

Малахит часто называют камнем волшебных грез, связанных с многоликостью камня.

Нет ничего в мире разнообразнее и красивее малахита! Камень неповторим в каждом куске. Разнообразием рисунка он завоевал всемирную славу.

Чаще всего куски минерала встречаются в виде округлых почек, различной толщины корок, а иногда — сталактитов. Первичная поверхность таких малахитовых глыбок, как правило, неровная. Иногда она бывает туберозовидной. (Тубероза — травянистое растение, махровые цветки которого собраны в колосовидные кисти; нечто подобное встречается и на поверхности малахита.)

Другой вид имеют приполированные поверхности этого минерала. Чаще всего на таких поверхностях можно видеть причудливо изогнутые тоненькие прослойки из различно окрашенных полос. Цвет их от ярко-зеленых до темно- и черно-зеленых оттенков. Иногда в такой массе встречаются полоски голубого и густо-синего цвета. Это азурит, родной брат малахита, минерал с близким ему химическим составом.

Сорта малахита различают и по блеску. Самым лучшим для поделок считается тот камень, который имеет стеклянный или алмазный блеск. Хуже для работы куски с шелковистым и бархатным блеском. Их труднее полировать. Иногда в массе малахита можно видеть волокнистые включения. Они также имеют шелковистый и бархатный блеск.

До революции существовала особая специальность, ныне полностью ликвидированная, — «зазывала». Работали люди этой профессии с процентов, от количества купивших в магазине товар. Они толпились перед магазинами, хватали за руки и за полы прохожих, уговаривая их если не купить, то хоть зайти в магазин посмотреть товары, примерить, не больше...

— Только для красавиц! — так кричали на рынках Екатеринбурга зазывалы, приглашая покупателей в мага-

зины, торгующие каменным товаром. Отважившимся зайти приказчики предлагали товар первого сорта — набор драгоценностей из малахита. Было несколько таких наборов: большие и малые. В малый набор входили перстни, серьги, ожерелья, кулоны, заколки для шляп, браслеты-зарукавья, а также пудреницы и табакерки.

Я видел в одной из частных коллекций такой набор. В нем особенно поражал изяществом и вкусом перстень, в котором искусно сочетались золото и малахит. Только тут, рассматривая перстень, я понял, что не каждый кусок малахита пригоден для ношения в кольце. Вставка должна быть обязательно вырезана из малахитовой почки. В перстне из набора небольшая почка светлого малахита обрамлялась темным бордюром необычайно извилистого (свилеватого) микрослоистого камня. Так иногда выглядят срезы карельской березы. Малахит имел небольшие размеры — чуть более одного сантиметра по длинной оси овала. Обточен он был кабошоном — полуovalом. Такой способ обточки полудрагоценных камней применяется в тех случаях, когда нужно выявить игру, перелив непрозрачной его поверхности. Даже при небольшом повороте камень становится как бы совершенно иным. Лучшее обрамление к малахиту получается из золота. Этот перстень замечателен тем, что золотое обрамление, примыкающее к малахиту, выполнено из ажурного металла, как бы повторяющего свилеватость камня.

Некрупные почечки из свилеватого малахита шли также для изготовления вставок к сережкам. Малахит в серьгах должен быть невесомым, чтобы не повредить мочки ушей красавиц. Поэтому камень вставок к сережкам нарезали в виде тончайших пластиночек. Золотое обрамление к ним делалось также из ажурного металла. Оно как бы подчеркивало «невесомость» изделия.

А вот заколки для шляп должны были иметь относительно большой вес. Изготавливались они из стальных спиц, похожих на вязальные. К ним приделывалась дер-

жавка с включенным в нее целым малахитом. Для булавок шли также полированные почки.

Для вечерних приемов к туалетному набору полагалась диадема (ее уральцы называли наголовником). Диадемы делали в виде металлических налобных повязок, напоминающих корону французских королей. В металл (золото) мастера искусно вплетали малахитовые пластинки. Иногда малахит в диадеме сочетался с малиновыми шерлами — типично уральскими самоцветами.

В сказе П. Бажова «Малахитовая шкатулка» есть интересный эпизод, связанный с покупкой такого набора. Жадная жена управляющего, купив малахитовый набор, стала примерять его. «Подбежала к зеркалу и первым делом наголовник пристроила. — Ой, ой, что такое! — Терпенья нет — крутит и дерет волосы-то. Еле выпростала. А неймется. Серьги надела — чуть мочки не разорвало. Палец в перстень сунула — заковало, еле с мылом стащила. Муж посмеивается: не таким, видно, носить!» Точно так же не могла носить эти украшения мать Танюшки (из того же сказа). От малахитовых украшений «у нее пальцы затекали, уши болели, шея не могла согреться». Лишь Танюшке хорошо пристали эти украшения. Она говорила, что «тепло от него, будто на пригревинке сидишь, да еще кто тебя мягким гладит».

Обязательным в малахитовом наборе были ожерелья. Их полагалось к набору два — короткое и длинное. В короткое входил набор из 60—70 бусинок. Их подбирали по размерам: от самых маленьких, 5—6 миллиметров в диаметре, до крупных — 10—12. Такое ожерелье имело сдвоенную длину всего лишь 25—27 сантиметров. Длинная нитка делалась в два-три раза больше. Крупные бусинки в ней достигали 15—17 миллиметров в диаметре. Изготавливались такие бусы вручную. Поэтому не все они имели идеально округлую форму.

Ожерелья из малахита нравились не всем. Камень ожерелий холодила. Чаще в наборе ожерелья заменялись

кулонами — полированными глыбками малахита самой разнообразной формы. Подвешивались они на тоненькой золотой цепочке. Иногда кулон заменялся брошкой. Для ее изготовления отбирались лучшие сорта малахита. Мастер стремился к тому, чтобы на брошке просматривался (или домысливался) какой-нибудь рисунок.

Иногда в малом наборе встречались браслеты, или, как их называли в Екатеринбурге, зарукавья. Они имели различную форму. Чаще всего (в малых наборах) они состояли из полированных пластиночек, скрепленных подвижной золотой оправой. Но самыми дорогими были зарукавья, выточенные из цельного куска малахита. Об этих зарукавьях сохранились легенды.

Мастером признали Данилу (в сказе П. Бажова «Каменный цветок») лишь после того, как он выточил из цельного монолита зарукавье в форме змейки. Сама Хозяйка Медной горы носила зарукавье в форме ящерицы. Такие браслеты изготавливали мастера, работающие у нее в горе.

Пудреницы и табакерки, входящие в набор для красавиц, имели латунную коробочку различной формы. На поверхность такой основы наклеивались тоненькие пластиночки полированного малахита. Первые малахитовые мозаики зарождались именно при работе над этого типа изделиями.

Купившим такой дорогой товар приказчики в качестве подарка предлагали пасхальные яйца, сделанные также из полированного малахита. Лучшая в мире коллекция пасхальных яиц была подобрана в начале нашего века уральским камнерезом А. Д. Денисовым-Уральским. Часть ее находится сейчас в музее кафедры минералогии Пермского государственного университета. Большинство яиц коллекции выполнено из яшмы. Но есть и малахитовые. Их или вытачивали из целого куска, или изготавливали из малахитовой крошки, густо замешенной на клею. Из такой тестоподобной массы яйца катались легко. После просуш-

ки их либо обклеивали пластиночками настоящего малахита и заполировывали швы, либо дорисовывали. Так зарождалось искусство дорисовки малахита.

Большой набор для красавиц включал кроме перечисленных украшений зеркало, обрамленное малахитом, шкатулку для драгоценностей, декоративные вазочки, подсвечники. Все эти предметы хранились в будуарах, составляя главную часть украшений интимных комнат.

Представьте себе одну из красавиц, купившую такой туалетный набор. Перед ней в будуаре на специальном столике стоит большое зеркало в массивной малахитовой раме. Рядом — справа и слева от него — расположились столь же массивные подсвечники.

Зеленый цвет обрамления настраивает на мечты юности о суженом. Мерцающий свет свечей придает грезам призрачность, нереальность... Из малахитовой шкатулки достаются заветные украшения — серьги, бусы, зарукавки, перстни, диадема...

Но оставим грезы красавиц. Должен сказать, что изделия из малахита многим навевают разнообразные, порой фантастические мысли.

Завораживают, чаруют, покоряют своей красотой бессмертные произведения, сотворенные русскими мастерами из полированного малахита. Главное их средоточие — бывшая столица страны Санкт-Петербург.

Навсегда остаются в памяти сочетания зеленых тонов малахита с позолоченной бронзой окантовки и малиново-пурпурным шелком старинной мебели Малахитового зала Эрмитажа... Колонны и пилястры, каминные вазы, столы и различные чаши, шкатулки... И вне этого зала — гигантская ваза из малахита (ее высота 184 сантиметра, диаметр 183, выполнена в 1843 году на Екатеринбургской гранильной фабрике; на изготовление ушло более 18 пудов малахита), шкатулки, табакерки, чернильные приборы и знаменитая Ротонда — малахитовый храм из восьми небольших колонн, обрамленных деталями из золоченой чекан-

ной бронзы. Она сделана по заказу одного из Демидовых и в 1836 году преподнесена им Николаю I.

Другой пункт крупного средоточения малахитовых сокровищ — Исаакиевский собор. В нем поражает убранство стен алтаря. Наряду с другими цветными камнями здесь особенно впечатляют восемь гигантских малахитовых колонн и две пилястры. Высота каждой более 10 метров, ширина — более полуметра.

В богатых домах столицы и в провинции было принято иметь украшения из малахита. Обычными в роскошных особняках считались каминные, отделанные этим чудо-камнем. Вот особняк на Литейном проспекте в Ленинграде. Сейчас в нем располагается штаб пропаганды — Ленинградское отделение общества «Знание». В просторном кабинете председателя все любят малахитовый камин. Такой же камин демонстрируется в исконной вотчине Демидовых — городе Нижнем Тагиле. Сейчас эта драгоценность хранится в краеведческом музее.

Имеются произведения из малахита и в других городах нашей страны, в том числе в Свердловске. Не ошибусь, если скажу, что в каждом краеведческом музее СССР есть какие-либо изделия из малахита: шкатулки, столешницы, вазы, табакерки, чернильницы, ожерелья и прочее.

А сколько уральского малахита ушло за рубеж?

В одном из лучших музеев Италии, во дворце Питти (Флоренция), наравне с бессмертными произведениями художников эпохи Возрождения хранится гигантский малахитовый стол, изготовленный в XVIII веке уральскими мастерами. В Ватикане можно видеть малахитовые вазы и глыбу малахита — подарки «князя Сан-Дonato» — Демидова. В Париже хранятся канделябр, ваза и стол, подаренные Александром I Наполеону. Огромную чашу из малахита передал Николай I Фридриху Вильгельму (она находится в Берлинском музее). Великолепные вазы из малахита, изготовленные на Екатеринбургской гранильной фаб-

рике, были подарены Министерством финансов Ротшильду и персидскому шаху...

Поток «зеленого золота» хлынул в XIX веке из окрестностей Нижнего Тагила. Точного учета добытого здесь малахита не производилось. Академик А. Е. Ферсман сообщает, что в среднем, начиная с 1814 года, здесь извлекалось от двух до пяти тысяч пудов камня в год. Отдельные глыбы, добытые в то время, были действительно уникальны. Одна из них (находка 1835 г.) весила около 25 тонн. Другая — 83 тонны! По подсчетам специалистов, малахит этих двух глыб может покрыть в распиленном виде площадь в 15 440 квадратных аршин¹. Почти весь камень из этих глыб ушел на украшение Исаакиевского собора и Малахитового зала Эрмитажа.

По самым скромным подсчетам, в прошлом столетии из Меднорудянского месторождения было извлечено от пяти до семи тысяч тонн малахита.

Как дорогая реликвия хранится в Нижнем Тагиле одна из глыб бесценного камня. Вес ее 300 килограммов.

До открытия Меднорудянского месторождения малахит в XVIII веке поступал в весьма ограниченных количествах из Гумешевского рудника (к югу от Екатеринбург), принадлежавшего Турчанинову. Самая крупная глыба весом 1504 килограмма (94 пуда стоимостью сто тысяч рублей ассигнациями) была подарена Турчаниновым в 1789 году Екатерине II. Сейчас эта глыба находится в музее Ленинградского горного института.

Количество добытого в Гумешевском руднике малахита было настолько мало, что не шло ни в какое сравнение с тем, что стало поступать на рынок в XIX веке. Поэтому в XVIII столетии зеленый минерал шел только на мелкие поделки (броши, табакерки) и очень редко — на шкатулки.

¹ Аршин — старая русская мера длины, равная 0,71 метра.

В числе остальных уральских месторождений можно упомянуть небольшое скопление малахита в Кыштымском руднике. Здесь камень был выбран также в XVIII веке. Отсюда, по мнению А. Е. Ферсмана, были взяты две глыбы, хранящиеся сейчас в Кыштымском музее.

Немало малахитовых изделий рассредоточено по церквям России. Много малахита подарили церкви Демидовы. Особенно в те храмы, которые посещала не только самая верхушка знати, но и члены царствующей фамилии.

Самый роскошный дар, как уже говорилось, был сделан Исаакиевскому собору в Петербурге. В церквях победнее тоже был демидовский малахит. В краеведческом музее Нижнего Тагила находится дарохранильница из этого камня. В самый ответственный момент богослужения ее выносили из алтаря и причащали народ.

Для пропаганды своих богатств Демидовы не жалели денег. Даже в небольшой церквушке-часовенке около Нижнего Тагила долго хранился малахитовый крест, стоящий на малахитовом же постаменте. Кроме креста — символа божественности — на постаменте была горка из горных пород, составлявших богатства семьи Демидовых. Вот так: молись да знай, что все в руках всеильных князей Сан-Донато! Этот каменный раритет, к сожалению, не сохранился. Несколько лет назад я видел лишь постамент от него в подвале Уральского геологического управления.

Потрясающий эффект вызывает третий «оазис» Уральского геологического музея — собрание столь же удивительных полированных камней — яшм. Особенно Южный Урал славится своими пейзажными яшмами.

«Чего только не видите вы, рассматривая коллекции орских яшм,— писал академик А. Е. Ферсман.— Вот бушующее море, покрытое серовато-зеленой пеной... На горизонте сквозь черные тучи пробивается огненная полоса заходящего солнца. Вот какой-то хаос огненно-красных тонов, кто-то бешено мчится среди пожара, и черная фигура всадника резкими контурами выделяется на фоне

пламени. А вот мирный осенний ландшафт: голые деревья, чистый первый снежок, кое-где еще остатки зеленой травы...»

Пейзажными яшмами коллекций геологического музея Свердловска была очарована Индира Ганди, приезжавшая сюда смотреть неповторимые уральские сокровища вместе со своим отцом Джавахарлалом Неру.

Пейзажные яшмы занимают, пожалуй, наибольшее место в музеях и частных коллекциях. Какую разнообразную гамму чувств вызывают они!

...Огненная вспышка озарила небо. Она была столь яркой, что казалась красно-коричневой. Лишь по зареву на небосводе можно было судить о силе и мощи огня.

В отблесках пламени стали отчетливо видимыми черная бездонная пропасть, суровые скалы и заснеженные вершины гор.

А по небу, распластав крылья, пронеслась гигантская птица.

На переднем плане высветился поясной портрет человека, прикованного к скале. На его лице написано страдание. Он знает: сейчас прилетит хищная птица и начнет терзать его печень...

Может быть, и не стоило бы пересказывать миф о Прометее, подарившем человечеству огонь и принявшем за это нечеловеческие муки. Этой легенде почти три тысячи лет. Но все рассказанное я нашел в куске полированной яшмы! Сама природа начертала на камне этот сюжет.

Такие камни мы называем пейзажными, выделяя из них группу еще более удивительных — портретных. В основе их рисунка лежит случайное сочетание красок горных пород, возникшее в процессе жизни камня.

В моей коллекции есть и разные портретные камни.

На окраине города Орска на Южном Урале, там же, где был взят и кусок яшмы с Прометеем, я подобрал небольшой кусочек породы, на котором отчетливо (без полировки) виден рисунок головки модницы с замыслова-

той прической. Чудеса в этом камне заключаются в том, что стоит повернуть плиточку на 90 градусов, как рисунок меняется и на месте модницы возникает нечто похожее на черта. Он с рогами и выпученными глазами. Вместо рук и ног у черта плавники.

Однажды мне попал в руки кусок невзрачной породы. Название ее удалось с трудом определить. Это была измененная некогда осадочная порода, ставшая с течением времени близкой по своему составу к амфиболитам и гнейсам. Процесс такой переработки весьма сложен и не всегда точно поддается учету.

Я взял этот образец на ныне заброшенном Маминском золоторудном месторождении, прославившемся тем, что в гранитных массах этого месторождения были найдены первые в мире окаменелые остатки организмов.

Кусок породы, о котором идет речь, был невзрачен. Зеленовато-серый тон породы нарушался белесыми включениями неправильной формы. Чтобы лучше рассмотреть породу, пришлось пришлифовать одну из плоскостей образца. И тут мы увидели фрагмент сказки...

Начинается шторм. На пологий берег набегают зеленые седобородые волны. Верхняя часть пенистых валов разносится ветром. Таковую гамму серо-зеленых красок, сочетающихся с воздушно-белесыми тонами вспененных волн, увидишь только на картинах Айвазовского в Феодосийской галерее или в собраниях Русского музея.

Среди белой пены, рассыпавшейся по пляжу, видна сказочная русалка. Она обессилена в битве с прибоем. Голова русалки запрокинута... Обнаженный торс изогнут... Рука беспомощно пытается опереться о пену... Еще немного, и из воды покажется ее хвост...

Если повернуть на 180 градусов эту композицию, то на месте русалки возникает свирепый лик морского царя. Это он, довольный и гордый своей силой, нагоняет мощный девятый вал. Морской царь многолик. Один из его портретов распластался в старой пене по пляжу. Такая